

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЭМОТЕМНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Анализируется взаимосвязь между некоторыми событиями в российском обществе и языковым поведением различных российских журналистов. Данная взаимосвязь иллюстрируется посредством использования эмотивных окказионализмов / неологизмов, отражающих негативную рефлексию упоминаемых событий.

Ключевые слова: *экологическое здоровье, экологическая компетенция, негативные детали, вульгаризмы, журналистские комментарии, неэкологичное воздействие.*

Последнее пятилетие характеризуется бурными социальными изменениями в нашей стране. Язык не может не рефлексировать эти изменения. И, прежде всего, через лексику. Ибо, по словам О. Есперсена, слова – это «милые веки истории». Другими словами, в них фиксируется динамичность эпохи, но фиксирует эту эпоху не сам по себе язык, а люди, его создавшие и творящие с ним чудеса.

Всего несколько лет назад М.А. Кронгауз писал о том, что русский язык находится на грани нервного срыва [1]. Нам кажется, что в последние 2–3 г. русский язык уже перешел эту грань и стремительно от нее удаляется к истерии. И не только своей лексикой, но и фонетикой, и грамматикой. Авторами этих изменений являются журналисты. Л. Михайлова еще в 1991 г. написала статью «Спасите наши уши: отдаем язык родной на заклатие времени. С чем останемся?» [2, с. 77–79]. А мне пришлось в статье «Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства» [3, с. 40–45] тоже писать на эту тему потому, что некоторые общественные деятели и журналисты, пишущие о них и цитирующие их, в своих экспериментах с языком сегодня зашли уж больно далеко, заигрались с языком и потеряли чувство меры, поскольку отсутствуют фильтры, их останавливающие, а внутренней саморецензии их, видимо, никто не обучал. Достаточно раскрыть бесчисленные газеты и журналы, особенно молодежные, послушать спортивные комментарии, а я полагаю, что комментаторы – это тоже журналисты, посмотреть бесчисленные каналы нашего телевидения или послушать «говорящие головы» в разных телепрограммах, чтобы начать сомневаться, русский ли это язык, о котором писал И.С. Тургенев («О, великий, могучий ...»).

Самое интересное заключается в том, что наше субтильное поколение, находясь в таком языковом круге и не слыша никакого другого языка, думает, что это и есть он, «великий и могучий». Лингвисты давно спорят о порче русского языка англицизмами, давно бьют тревогу о мате как коммуникативной приправе [4, с. 79–92], об отмене стилистических норм. Вспомним свежие 2014 г. грубости и вульгарности В.В. Жириновского в Госдуме в адрес парламентских журналисток, его оскорбления журналистов «Эха Москвы» Гананольского и Нарышкина, которых он назвал подлецами, а саму радиостанцию обозвал «Эхо Вашингтона». Газету же «Московский комсомолец» В. Жириновский переименовал в «Нью-Йоркский комсомолец». В то же время В. Жириновский не брезгает «Эхом» и часто через него рекламирует ЛДПР и выступает по различным вопросам со своим мнением. Журналисты многократно во всех изданиях с упоением цитировали слова этого высокопоставленного чиновника о том, чтобы Кавказ отделить от остальной России колючей проволокой и чтобы принудить кавказцев меньше рожать детей. Это именно он не раз заявлял, что «Россия находится в ж.», что у всех женщин – бешенство матки, и призывал своих телохранителей во время Пасхи «жестко их насиловать». Напомним также неэкологичную креатему президента теннисной академии Ш.А. Тарпищева в передаче «Вечерний Ургант» в середине октября этого года, который назвал известных в мировом спорте теннисисток-сестер Уильямс *братьями*. Эта неэкологичность объясняется тем, что, во-первых, эти теннисистки темнокожие, что ассоциирует креатему Тарпищева, судя по многочисленным журналистским комментариям, с расизмом, а, во-вторых, их внешний вид, согласно комментариям журналистов, ассоциируется с сексизмом. Все это

после многократного прокручивания журналистами, а также многочисленными постами и репостами блогеров в интернете является со всех точек зрения неэтичным и потому - неэкологичным, так как вызвало негативные эмоции и ощущения у читательской аудитории. Такая шутка, с точки зрения этики, на любом языке может быть оскорбительной. Тиражирование таких и им подобных новостных деталей и вульгарностей через СМИ негативно воздействует на психоэмоциональное здоровье адресатов, не украшает журналистов, «жующих» такие события, и не улучшает международный имидж страны, которую они обязаны представлять. Кроме этого, такие комментарии вредят и здоровью русского языка, и его духу, ибо, как известно, язык – живой организм (Л. Вайсгербер, фон Гумбольдт).

Появилось много семиотических знаков, эмоционально характеризующих динамические процессы в обществе: *злонамеренная бюрократия, неуправляемая коррупция, «распил» бюджетных средств* (креатема-то какая: *распилить*), *воровство диссертаций: диссернет, диссергейт, диссеркэт, пищевые отравления в детских учреждениях и военных казармах, заказные убийства, хакерские ограбления банков* и т.д. и т.п., которые журналисты широко используют в своих комментариях и по долгу своей профессии, и по гражданскому долгу. Но дело в том, что все негативные события, происходящие в российском обществе, в хронотопе, некоторые журналисты смакуют и смакуют на разные мелодии и на разные цветовые гаммы, точно так же, как телевидение, которое показывает кровавые куски человеческих трупов с мест различных катастроф и терактов.

Кстати, мат уже давно не коммуникативная приправа, а «смачный пир» многих политических и не политических гурманов. И СМИ это с удовольствием воспроизводят. А зачем? С целью их диффамации или с целью пропаганды такого речеповедения как образцы экологической функции их эмоций? Как новой культурной нормы? Думают ли журналисты СМИ, что все это слышит и видит наше юное поколение, которое поглощает такие «видики» с удовольствием и с интересом. Возрастные ограничения, введенные на СМИ, телефильмы и различные ток-шоу, редко выдерживаются, а детям уши не заткнешь и на глаза повязку не повяжешь. Вот и учатся они без всяких учебников, благодаря журналистским изощренным перлам: *останкинская двустволка, патриотический угар, православные рубливцы, дурацкие законы* и т.п.

Недавно стало известно, что и в бизнес тоже вползли эмоциональные страсти и многоязычие эмоций. У интеллигентной публики, читающей, слушающей и смотрящей СМИ, уже набрался солидный багаж искажений русского языка. Эти искажения изобретаются журналистами сознательно. Их креатемы все дискурсивны. Искажения начинаются с языковой игры/игры с языком в иронических, саркастических и даже юродствующих креатемах, они создают новые контекстуальные понятия через импортные средства словообразования и словопреобразования: конверсию, телескопию, спунеризмы, инфиксацию, через сочетание несочетающихся друг с другом слов.

Вот вдруг СМИ, как по команде, прицепились к сексуальным меньшинствам, которые всегда существовали, были незаметны, никому не мешали. СМИ создали даже специальный дискурс «Сексуальные меньшинства», взбудораживший русскую словесность. Функционирование этого дискурса обеспечивают такие лексико-фразеологические средства: *голубое хобби, гей-парад, гей-клубы, гей-тусовки, однополые браки/семьи/пары, закон Думы о запрете однополых браков, гомофобия, гомосек, антигейский закон, контрольная закупка интим-услуг, протестное движение геев* и др. Усиление нездорового внимания к этой проблеме вызвал возмущивший отечественную журналистику фильм о лесбиянках: «Жизнь Адель» – победитель Каннского фестиваля и обладатель первого места. Актом борьбы с гей-движением явилось принятие в нашей стране закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей. Но этот закон вызвал панику у будущих участников сочинской олимпиады, в связи с чем в международных СМИ долгое время муссировались заявления об отказе некоторых зарубежных делегаций от участия в этой олимпиаде, а наши журналисты встречными текстами парировали комментариям зарубежных журналистов и занимались их репостом. Это значительно увеличило нездоровый (неэкологичный) интерес российской аудитории, включая

и детскую. Все это послужило привлечению внимания не только далеких от этой темы и даже не знавших о ее существовании людей, но и всех школьников, студентов и очень взрослого населения, что спровоцировало пересуды (и не только, так как были даже физические расправы над Геями вплоть до убийства). А тут еще Иван Охлобыстин (не последний человек в стране), известный всей журналистской братии, официально призвал в СМИ сжигать всех геев, о чем журналисты довольно долго с упоением вещали.

Среди журналистов по всем современным событиям ведется активный «кулачный бой», особенно по украинскому дискурсу, который специально рассматривается мной в следующей статье. В этих «кулачных боях» наиболее активны «бойцы»-журналисты: с одной стороны – Киселев, Соловьев, Проханов, Леонтьев и Шевченко и др., а с другой – Веллер, Шендерович, Муратов, Быков, Гусев, Белковский, Пархоменко, Навальный, Н. Троицкий и др. Между ними – Павловский, Барщевский, Сванидзе и др.

Господин Волин объявил конкурс среди журналистов на «молодцов и подлецов». Интересно, кого из названных имен он отнесет к какой группе? Журналисты высказывают свое мнение в своих блогах, статьях, журналах, которые бывают часто прямо противоположны на уровне эпитетов, на уровне хвалы-хулы. И как же тут «бедному крестьянину» разобраться, где тут правда, а где вранье, где тут информация, а где пропаганда. Распри между этими журналистами провоцируют разброд идей среди обывателей в производственных, межличностных отношениях и даже приводят к семейным конфликтам. Такие противоположные мнения журналистов дезориентируют аудиторию в формировании собственного мнения. Улучшает ли такое информационное поле экологию здоровья людей, экономику страны (*экономика больна, страна на коленях, язык болен* и пр.). Создают ли журналисты своими креатемами – оружием информационной войны и инфотеймент (кстати, тоже семиотическая примета уровня развития нашего общества) радостную перспективу общества? «Русское радио» на 105.7 FM уже 20 лет после каждой песни весело говорит: «Все будет хорошо!». У меня давно крутятся вопросы: «Кому-у-у и когда же-е-е, наконец?» И еще один вопрос: а хорошо ли сейчас живется в лингвистической реальности самим журналистам? И кто их называет *журналиоги, журнализы, папарацци*?

Современные журналисты, описывающие олимпиаду, не отставали от спортивных комментаторов в индивидуальных метафорах: *кипяток мировой лыжни*. (Ср. с метафорами спортивного комментатора Романа Трушечкина: *шахматы на льду, бильярд на льду*, а местами даже – «*Чапаев на льду*). А Кирилл Набутов запустил в эфир такой комментарий: «*Настоящий мужчина начинается после 40 лет и, к сожалению, быстро заканчивается*» (про легендарного норвежского биатлониста Уле-Эйнара Бьерндалена) [7].

Характерна для спортивных комментаторов не только сногшибательная метафора, но и неумная гипербола. Так, комментатор Виктор Гусев на встрече сборной России по хоккею с командой из США «вычислил» скорость, с которой оглянулся Александр Радулов, сказав, что *хоккеист оглянулся со скоростью 111 километров в час* [8]. Другой гиперболой-сравнением является мнение комментатора футбольного матча чемпионата мира Германии с Бразилией Владимира Стогниенко: «*На фотках у бразильцев такие лица, будто у них умерли все родственники разом*»; «*Немцы есть немцы, а рыдает вся Бразилия*». Вот какова энергетика эмоций вне зависимости от национальности человека, если они отражают социально значимый ивент. Иногда они вербализуются даже в очень неприличной форме: «*немецкая машина раздавила обезьянок*», «*избиение младенцев*» (об этом же матче).

Журналисты изобретают и запускают в обиходный оборот, а молодежь подхватывает и распространяет такие их креатемы, как: *трендить, эхотром, пусточатиться, телехунта, зомбоящик, пропагондоны, брехлама, деза, троллинг, трейл, печеньце/печенюшка, газпода, святоблуды, автостерва, интиллигены, уллучшаинг, жритель, гденукович, вдохновенная пошлость, депутаты и депутаты, настоящие киприоты России, нарушать общественные неприличия, клятва Герострата, расслабухать, майданутый, Майданюк, размандатить, пъятница, печалька, мани/пулятор* и др.

Зачем-то СМИ распространяют различные речевые искажения, например, грамматические («Я тебе наберу»), фонетические: (*писателЯ*) – М. Веллер. Такие искажения русского языка «правильные» журналисты допускают регулярно. Зачем?

Полагаю, что на все эти общественные и семиотические изменения под влиянием динамических процессов в языке в хронотопе надо бы обращать внимание в обучающей коммуникации всех филологов – словесников и, прежде всего, при обучении самих журналистов. Для этого предлагаю в учебные программы журналистских факультетов ввести дисциплину «Эмотивная лингвоэкология» [6]. Детское и взрослое русскоязычное население, чтобы избежать бесконечных коммуникативных рисков, обусловленных непониманием или недопониманием новых слов, новых смыслов, новых коннотаций и интонаций (т.е. новых семиотических знаков эмотивного языка) тоже должно знакомиться с ними в учебных заведениях и через специальные обучающие телепрограммы. Для этого необходимы не только специальные научные исследования, но и дидактические пособия, которые предупреждали бы коммуникантов о подобных коммуникативных рисках в ситуативных речевых практиках, чтобы уметь ориентироваться в новой социальной и новой лингвистической реальности, правильно осмыслять ее, чтобы разграничивать обман чувств и сбой рассудка у представителей СМИ и, соответственно, у адресатов их работы [5: 47-54].

Поскольку журналисты, как видно, сами с собой совладать не могут, то я полагаю, что им нужна помощь со стороны, в том числе и от законодателей. В результате этих усилий должна сформироваться компетенция журналистов в амбивалентных принципах экономных усилий в разграничении экологии языка, речи и экологии культуры речи, особенно в связи с новой коммуникативной ситуацией – эмоционализацией и экспрессивизацией общей тональности русскоязычного общения.

Литература

1. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва М., 2008.
2. Михайлова Л. Спасите наши уши: отдаем язык родной на заклятие времени. С чем останемся? // Сов. профсоюзы. 1991. № 10. С. 77–79.
3. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Науч.-метод. ил. жур. «Мир русского слова». 2007. № 1–2. –С. 40–45.
4. Шаховский В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка : материалы 2(4)-ой Междунар. науч. конф. Пенза, 2011. С. 79–92.
5. Шаховский В.И. Живодейственное слово. Общественная жизнь как плавильный тигель языка // Стратегия России. 2014. № 9 (129). С. 47–54.
6. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : кол. моногр. Волгоград, 2013.
7. Перлы наших комментаторов на Олимпиаде в Сочи. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.drive2.ru/c/980565/> (дата обращения : 27.10.2014).
8. От сочинских комментаторов такого не ожидали. [Электронный ресурс]. URL: <http://positime.ru/ot-sochinskix-kommentatorov-takogo-neozhidali/32198> (дата обращения 27.10.2014).

Semiotic changes in emotiveness of the russian language

Analysed is the interaction between social events and the Russian language behavior of different mass media journalists. This interaction is illustrated through emotive occasionalisms / neologisms as their negative reflection of these events. Explained is their provocative influence upon addressees' psycho-emotional health. Illustrated are semiotic changes in the process of the Russian language dynamics.

Key words: *ecological health, ecological competence, negative details, vulgarisms, journalists' comments and reposts, non-ecological impact.*